

RU

Теория дифференциации в философских размышлениях Жильбера Симондона и Жюль Делеза

Саяпин В. О.

Аннотация. Цель исследования – выявить качественные характеристики и оригинальность рассмотрения теории дифференциации французскими философами Жилем Делезом (1925-1995) и Жильбером Симондоном (1924-1989). В статье утверждается, что Ж. Делез написал множество работ о философах, чьи идеи оказали большое влияние на его собственные, за одним лишь несправедливым исключением: он не написал ни одной монографии о своем гениальном современнике Ж. Симондоне. Симондон упоминается всего несколько раз в статьях Делеза, но его влияние ощущается повсюду, от идей, касающихся делезовского виртуального, до концепции индивидуации. Научная новизна исследования заключается в том, что долгое время работы Ж. Симондона были известны либо как философские исследования, ограниченные проблемой технологий, либо как вдохновляющий источник для философии различия, разработанной Ж. Делезом. Но поскольку в первой четверти XXI века труды Симондона нашли свое признание и стали считаться оригинальной философией современности, это позволяет нам проделать некоторую критическую философскую работу. В результате доказано, что теория дифференциации Симондона не только возникла в результате осмысления аристотелевской гилеморфической схемы, но и задолго для любой подобной теории, разработанной своими последователями (включая Делеза), что имеет большое значение для современной философии коммуникации и информации.

EN

The theory of differentiation in philosophical reflections of Gilbert Simondon and Gilles Deleuze

V. O. Sayapin

Abstract. The purpose of the study is to identify the qualitative characteristics and originality of the consideration of the theory of differentiation by the French philosophers Gilles Deleuze (1925-1995) and Gilbert Simondon (1924-1989). The article claims that J. Deleuze wrote numerous works on philosophers whose ideas had a great influence on his own, with one unfair exception: he did not write a single monograph on his brilliant contemporary G. Simondone. Simondon is mentioned only a few times in Deleuze's articles, but his influence is felt everywhere, from ideas concerning the Deleuze virtual to the concept of individuation. The scientific novelty of the study lies in the fact that for a long time J. Simondon's works were known either as philosophical studies limited to the problem of technology, or as an inspiring source for the philosophy of difference developed by G. Deleuze. But since in the first quarter of the 21st century Simondon's works found their recognition and began to be considered the original philosophy of modernity, this allows us to do some critical philosophical work. As a result, it is proved that Simondon's theory of differentiation not only arose as a result of understanding the Aristotelian hylomorphic scheme, but also long before any such theory developed by his followers (including Deleuze), which is of great importance for modern philosophy of communication and information.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что Симондон и Делез внесли важный вклад в теорию различительной философии индивидуации, которая существенно отличается от философских изысканий других французских авторов, связанных с теорией постструктурализма. Более того, оба эти философа настаивают на динамическом и жизненно важном измерении подобной дифференциации в становлении социума, однако в этом случае они расходятся по ряду ключевых моментов. В то время как Симондон рассматривает процесс

становления как трансдуктивное усиление (Simondon, 1958), а в это же время Делез теоретизирует этот процесс как усиливающую инволюцию, приводящую к двум заметно отличающимся концепциям различия (Делез, 1998).

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- выявить философское понимание, совпадения и отличия в теоретических изысканиях концепта «дифференциации» у Симондона и Делеза. Здесь мы под концептами понимаем инновационные идеи, содержащие в себе созидательные смыслы;
- рассмотреть рекурсивно ряд важных содержательных инструментов, которые оба эти философа представляют для решения не только некоторых текущих проблем в философии, психологии, биологии и в жизненной политике, но и для познания новых, оригинальных постантропоцентрических взглядов на природу, технологии и социум;
- проанализировать такие понятия, как сингулярность, трансдукция, доиндивидуальное, метастабильность, инволюция, индивидуация и кристаллизация.

Материалом для исследования послужили следующие труды:

- Симондон Ж. Индивид и его физико-биологический генезис. М.: ИОИ, 2022;
- Симондон Ж. Психическая и коллективная индивидуация. М.: ИОИ, 2023;
- Simondon G. Du mode d'existence des objets techniques. P.: Aubier, 1958;
- Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998;
- Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: капитализм и шизофрения. Екатеринбург – М.: У-Фактория; Астрель, 2010;
- Deleuze G. Desert Islands and Other Texts 1953-1974. L.: Distributed by the MIT Press, 2004;
- Deleuze G., Parnet C. Dialogues II. N. Y.: Columbia University Press, 2007.

Для решения поставленных задач в статье применяются следующие методы исследования: структурный и сравнительный анализ конкретных теорий дифференциации. Кроме того, методологические основы философии индивидуации Симондона в статье раскрываются путем анализа проблемы субъекта. В этом случае такой подход позволяет нам комплексно осмысливать онтологическое возникновение субъекта и эпистемологический смысл его онтогенеза. Другими словами, такая конвергенция не только дает возможность познавать дифференциацию, но и рассматривать науку и философию как различные виды строго взаимосвязанных практик.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут стать основой для дальнейшего изучения конкретного человека – в мире по отношению к другим индивидам. Более того, концепты «дифференциации» у Симондона и Делеза направлены на примирение становления и бытия, что делает возможным использовать новый способ философствования, который позволяет понять современное в науке и технике.

Обсуждение и результаты

В последние годы в западной философии стало популярным обобщать определенное поколение французских философов с теорией различия. К таким философам, которые представляют эту дифференциальную теорию в структуралистском движении, так или иначе, можно отнести: Ж. Деррида (1930-2004), Ж.-Ф. Лиотара (1924-1998), М. Фуко (1926-1984), Ж. Делеза, Ф. Гваттари (1930-1992), Ю. Кристеву (род. 1941), Ж. Бодрийера (1929-2007) и М. Ларюэль (род. 1972). Совсем недавно к этому списку было добавлено новое имя, поскольку его работы в то время не имели такого успеха, и их актуальность для поколения постструктуралистов теперь, наконец, получает признание. Этим философом стал Ж. Симондон – оригинальный мыслитель в области информации, коммуникаций и технологий.

Более того, главной причиной такой популярности творческого наследия Симондона стало, по мнению некоторых современных философов, признание этого факта Ж. Делезом (Boever De, Murray, Roffe, 2012). Этот французский философ согласился написать отзыв на симондонианскую книгу «Индивид и его физико-биологический генезис» (Simondon, 1995), и последствия такой рецензии привели к всеобщему одобрению философским сообществом. Так, в самом первом абзаце своего отзыва Делез подчеркивает, что Симондон продемонстрировал не только интеллектуальную мощь, но и оригинальное мышление в области теории индивидуации, подразумевающей важное значение для нынешней философии (Deleuze, 2004, p. 86). Однако такое симондонианское влияние затронуло не только Делеза, но и мыслителей многих философских традиций, особенно это наблюдается в англоязычной литературе. Но и теперь, более тридцати пяти лет после его смерти, Симондон снова бросает вызов нашим убеждениям и помогает нам пересмотреть то, как мы относимся к фундаментальным вопросам, связанным с эволюцией, материализмом, идентичностью и технологиями.

Итак, Делез был одним из очень немногих, кто с самого начала признавал важность философских работ Симондона. И это, конечно, не случайно, поскольку глубокое родство объединяет их философские изыскания в осмыслении происходящих во второй половине XX века событий в радикально трансформирующемся социуме. Сегодня следует признать, что долгое время Симондона воспринимали исключительно как исследователя философии технологий. Поскольку его работа «О способе существования технических объектов» (Simondon, 1958) была буквально сразу признана важным вкладом в проблему технологий и неоднократно переиздавалась. Однако среди очень немногих, кто сумел распознать широкомасштабные социокультурные последствия мышления Симондона, был Делез, который в значительной степени опирался на его онтологию различий. Симондон вдохновлял Делеза по многим пунктам и направлениям, и действительно, его теория

об индивидуации посредством трансдукции в метастабильной среде оказала важное влияние на мышление Делеза, чьи «Различие и повторение» (1968), «Логика смысла» (1969) и «Необитаемые острова и другие тексты, 1953-1974» (2004) прямо ссылаются на Симондона.

Для Симондона и Делеза, в отличие от некоторых других французских мыслителей постструктурализма, понимание дифференциации заключалось во многом в том, что они рассматривали это различие не столько как бесконечную игру значений, сколько в терминах жизненного динамизма. В этой связи их теоретические выкладки понимания этого различия неотделимы от их видения жизни, постигаемого как дифференциальное и модулирующее становление. Тем не менее тот факт, что прочтение Симондона Делезом хотя и подготовило почву для нынешнего повторного открытия его творчества, что наглядно показано в многочисленных научных работах последнего времени, однако такое исследование их наследия является одновременно и благословением, и наказанием. Так получается, что, рассматривая Симондона только как скрытого предшественника делезовской философии различия, можно упустить из виду разницу между этими двумя мыслителями. Несмотря на их неоспоримую близость, есть также определенное количество моментов, по которым философские взгляды Симондона и Делеза расходятся (в конечном счете даже в их разной степени витализма). Хотя задача критического разделения обеих философий решается уже некоторое время, мы хотим также предложить в рамках этой статьи видение о том, что представляют собой концепты «дифференциации» и «индивидуации» в понимании этих двух величайших философов.

Необходимо подчеркнуть, что как Симондона, так и Делеза объединяет то, что их разные философские взгляды на концепт «дифференциации» являются несовместимыми между собой и пропитаны теоретизированием индивидуации. В этой связи, чтобы отойти от традиционной статичной онтологии, каждый из них постигает то, что можно было назвать увлечением избытком и разнообразием. «Бытие никогда не бывает единым. Будучи доиндивидуальным, бытие более чем единично – оно метастабильно, накладывается друг на друга, одновременно с самим собой. Будучи индивидуализированным, оно все еще множественно, потому что оно «многофазное», «фаза становления, которая приведет к новым процессам» (Deleuze, 2004, p. 89), – пишет Делез в своем отзыве к работе Симондона, и это утверждение, с которым согласны оба автора. Однако их концепты «дифференциации» разделяют и важные особенности. И именно поэтому цель нашей статьи – продемонстрировать отличия и совпадения между этими философами в понимании концептов «дифференциации» и «индивидуации».

Таким образом, симондонианскую теорию индивидуации можно охарактеризовать как трансдуктивное различие, а подобную теорию Делеза – как интенсивное различие. То есть, с одной стороны, в то время как для Симондона трансдукция является синонимом процесса дифференциальной индивидуации, то Делез сохраняет концепцию трансдукции ради описания исключительно витального фазового режима индивидуации. С другой стороны, если Симондон использует понятие «интенсивности» только для того, чтобы дать описание о том, как работают информационные процессы, Делез использует это понятие как принцип своей онтологии и дифференциальных процессов в целом. Отсюда следует, несмотря на то, что между Симондоном и Делезом есть множество теоретических пересечений, включая ключевые моменты, однако есть и позиции, по которым их теоретические взгляды и расходятся. Поэтому данная статья направлена на повторное, рекурсивное рассмотрение ряда важных инструментов, которые оба философа предоставляют для решения некоторых текущих проблем не только в философии, психологии, биологии и в жизненной политике, но и для познания новых, оригинальных постантропоцентрических взглядов на природу и социум. В этой связи Симондон и Делез совершенно по-разному рассматривают отношение индивида к внешнему окружающему миру: первый рассматривает эти отношения как трансдуктивное усиление, а второй – как усиливающую инволюцию.

Следует обратить внимание на то, что ряд мыслителей-постструктуралистов в XX веке не единожды проявлял заинтересованность в рассмотрении понятия «сингулярности». Такая заинтересованность пронизывает не только работы Делеза, но и философские изыскания у М. Фуко, Ж. Деррида, Ж.-Л. Нанси (1940-2021), А. Бадью (род. 1937), а также затрагивает работы у Ж. Батая (1897-1962) и М. Бланшо (1907-2003). Однако лишь Делез в своей работе «Различие и повторение» (1998) присвоил сингулярности, подобно Симондону, статус полноценного философского концепта. И более того, сам Делез отрицал, что он заимствовал этот концепт, при написании отзыва к работе Симондона «Индивид и его физико-биологический генезис», которая формальна, являлась приложением к симондонианской диссертации «Индивид в свете понятий формы и информации». На наш взгляд, наряду с такими понятиями, как индивидуация, трансдукция и метастабильность, симондонианское творчество способствовало постижению Делезом и понятия «сингулярности». Как отмечает Делез, в этом отзыве на работу Симондона: «...есть необходимость введения нового понятия сингулярности» (Deleuze, 2004, p. 87). В таком случае сингулярность – это не просто новая рюмка для старого вина, то есть новое название для старого метафизического понятия «индивидуальности». Именно сингулярность становится у Делеза тем понятием, которое вне альтернативы встраивается между универсальными типами и конкретными индивидами.

Стало быть, Делез находит у Симондона убедительную формализацию для онтологии сингулярности. Бытие, по словам Симондона, не едино, и более того, как говорят латиняне, ничто не возникает из ничего. Но что? Начнем с того, что нет ничего, кроме «этого», которое существует в силу своей «таковости», своего бытия таковым, как к нему относится средневековая онтология: *haecceitas*, говорит Дунс Скот (ок. 1265/66-1308) из *haec* («эта вещь»). Более того, «этовость» (*haecceité*) у Дунса Скота – буквально означает «это» – это то, что является общим для цепочки молекул, цветового пятна, дерева лиственницы, ветра или состояния интенсивной

радости. Однако, согласно плодотворному недоразумению, обсуждаемому Делезом, Симондон вместо термина «этовость» (*heccéité*) использует относящийся к теологии Д. Скота термин «вотость» (*eccéité*) и «такая ошибка плодотворна, ибо она удостоверяет модус индивидуации, отличающийся от модуса вещей, или субъекта» (Делез, Гваттари, 2010, с. 430). В этом случае Симондон переводит *haecceitas* как *esseité*, подразумевая, что это сущее имеет отношение к *esse* – «вот здесь» или «смотри сюда». Все это свидетельствует о заинтересованности в реальном; сингулярность не должна определяться только негативно (как то, что является не обобщаемым или неподменяемым, как в некоторых других постструктуралистских философиях различия), она должна иметь эмпирическую глубину, подтверждаемую дейктической (указательной) частицей «esse»: это само тело, это само событие.

Но в этой таковости нет ничего такого, что можно было бы существенно стабилизировать, кроме как такой вещи, как сингулярность, которая не существует в единичности, а есть только некие множественности этой индивидуации. В этом случае единство сингулярности не обеспечивается ни лежащей в основе субстанцией, ни сознанием, которому оно предстает; оно обеспечено лишь исключительно собственным процессом становления. Симондон называет такое становление «генетическим монизмом» (Boever, Murray, Roffe, 2012), ибо только бытие могло предполагать единство, содержащее множественность. Другими словами, единственно, что есть в сущем (*être*), – это единство его становления, то есть становления, отличного от того, что оно есть. Среди огромного числа словарных значений сущее (*être*), прежде всего, может переводиться (в виде существительного) как «бытие», «существо» (по отношению, например, к живому). И, наконец, как «сущее», как то, что есть, как то, что существует, – существует до того, как стало индивидом, существует в ходе индивидуации, существует, уже будучи индивидуированным (Свирский, 2022, с. 297-298). Как отмечает Делез, благодаря «генетическому монизму» Симондон преодолевает обычные ошибки детерминизма, которые можно наблюдать как в философиях трансцендентности, так и в (непоследовательных) философиях имманентности. В этой связи вывод Симондона радикален: только принимая все бытие индивида в его измерении становления, эмпиризм и неопределенность могут быть приведены в согласие. Кроме того, вместо того чтобы концептуализировать то, что было бы основополагающим сущим, общим для цепочки молекул, конкретного дерева, цветкового пятна или состояния интенсивной радости, смысл процессуальной онтологии заключается в том, чтобы отвергнуть любой «принцип индивидуации», любой общий закон, который был бы более фундаментальным, чем тот, к которому он применяется. Это в равной степени отдалается и от позитивистского подхода, который рассматривает индивида как отправную или конечную точку. Поэтому бытие индивида может быть схвачено только в процессе становления, как нечто, что предшествовало самому себе и простирается за пределы определенного в данный момент индивидуального бытия, как нечто, что всегда уже больше самого себя и, следовательно, по своей сути, множественное.

Как распознать связывающую нить между Симондоном и Делезом и дать каждому из этих философов заслуженную похвалу за их собственную оригинальность? В этом случае, прежде чем перейти к вкладу этих философов в теорию сингулярности, мы кратко изложим общий проект Симондона и рассмотрим его довольно известные замечания о технологическом состоянии объектов в более широком контексте становления индивида. Так, в своей работе «О способе существования технических объектов» (Simondon, 1958) Симондон представил в качестве основной идеи обсуждение проблемы индивидуации в рамках западного мышления и ее неотъемлемых ограничений. Согласно этой работе, траектория индивидуации в западной метафизике до сих пор определяется двумя основными парадигмами: субстанциализмом и гилеморфизмом, которые, как считает Симондон, уже изначально имеют общие ошибки в мышлении и традиции, закрепленные в виде стойких философских иллюзий. И ярким примером этому может служить аристотелевский гилеморфизм, который истолковывает то, что индивидуальность возникает лишь тогда, когда активная форма (*μορφή*) индивидуализирует или накладывает на аморфную, недифференцированную и пассивную материю (*ύλη*). Однако подобная гилеморфическая схема рождения индивидуальности не имеет соответствий в реальном мире. Материя в действительности никогда не пассивна (о чем знает плотник, но упускает из виду философ), так же спорно говорить о форме, которая просто накладывает на материю, не встречая сопротивления. Другой пример: анатомический субстанциализм, постулирующий существование вечных индивидов (или сущих), у которых есть некая первичная основа или глубинная реальность (субстанция), то есть истинная природа, которую нельзя увидеть напрямую. Поэтому, так или иначе, сама подобная операция индивидуации оказывается, скрыта в «темной зоне», превращаясь в то, что нужно объяснить задним числом, имея перед собой законченного индивида, а не тем, что в действительности может объяснять это сущее. Кроме того, обе эти парадигмы индивидуации, которые, как считает Симондон, сложились в европейской метафизике, объединяют представление о наличии некоего принципа индивидуации, предшествующего самой индивидуации. В этой связи поиск принципа индивидуации осуществляется либо после индивидуации, либо до нее, в зависимости от того, является ли модель индивида физической (субстанциалистский атомизм) или технологической и витальной (гилеморфическая схема). Однако операция индивидуации должна не обеспечивать сам принцип, а только реализовывать его (Simondon, 2005, p. 24).

Очевидно, что, отвергая идею принципа индивидуации, Симондон рассматривает индивидуацию не как последовательность различных стабильных состояний, а, напротив, он предполагает метастабильное состояние, в котором что-то остается стабильным, одновременно, находясь под влиянием потенциального диссонанса. Поэтому метастабильность действительно играет важную роль в концепте «дифференциации» у Симондона. Поскольку, используя этот концепт, можно адекватно понять и объяснить, как могут существовать и развиваться

одновременно физические, биологические, психические и коллективные индивиды (Симондон, 2023, с. 30). Таким образом, чтобы проиллюстрировать свою альтернативную теорию индивидуации, Симондон опирается, например, на процесс образования кристалла посредством трансдукции в метастабильной среде.

Симондон отмечает: чтобы состоялось образование кристалла, должна быть особая доиндивидуальная среда. Например, водный раствор, который должен иметь определенную температуру для обеспечения быстрого распространения кристаллической ретикулярной структуры. Поэтому подобная среда не может быть ни слишком жесткой, ни слишком вялой, она не может быть ни хаотичной, ни полностью стабильной. Занесенное в эту доиндивидуальную среду семя, или мельчайший кристаллический зародыш (название взято из кристаллографии), которое можно обозначить не только как эффективную затравку, но и некую сингулярность. Кристаллический зародыш не только закрепляет вокруг себя первый слой кристаллизованных молекул, но и шаг за шагом поляризует другие слои и в конечном итоге создает кристаллическую ретикулярную структуру. В этом случае доиндивидуальная среда является не только маточным раствором, который насыщен потенциальной энергией для становления кристаллического зародыша, но и всегда находится в метастабильном равновесии. Кроме того, это уникальный кристаллический зародыш, имеющий каталитическую сингулярность и появление которого остается спонтанным и по нынешний день необъяснимым, всегда вносит в аморфную среду элемент асимметрии. То есть зародыш поляризует среду и тем самым накладывает на нее отпечаток формы, буквально формируя ее.

Передача этой сингулярности или информации всему метастабильному окружению – это то, что Симондон называет трансдукцией – операцией, которая сама по себе бесконечна. «Под трансдукцией мы понимаем операцию – физическую, биологическую, ментальную, социальную, – посредством которой активность шаг за шагом распространяется внутри области, и в основе такого распространения лежит структурирование области, осуществляемое [oregee] от места к месту: каждый конституированный регион служит принципом конституирования для следующего региона, что модификация, следовательно, распространяется одновременно с этой операцией структурирования» (Симондон, 2023, с. 44). Следовательно, феномен роста является автоматическим и неопределенным; все последующие слои кристалла обладают способностью структурировать окружающую их аморфную среду, пока эта среда остается метастабильной. В этом смысле кристалл наделен бесконечной способностью к росту; рост кристалла может быть остановлен, но никогда не закончен. Симондон неоднократно возвращается к этому примеру физико-химической индивидуации и делает его своей основной моделью витальной индивидуации, а не наоборот. Витальная индивидуация станет частью физической индивидуации, остановив ее течение и замедлив ее становление. И именно поэтому витальный индивид в своем самом примитивном состоянии сравним с зарождающимся кристаллом, растущим без каких-либо признаков стабилизации (Симондон, 2022, с. 266-268). Между тем монадологическая модель затравки кристалла привлекла внимание Делеза, который использовал эту метафизическую модель, чтобы развить свою собственную идею кристаллического образа в своих работах о кино. В этом случае делезовский образ, одновременно является внутренним различием и оболочкой, свернутой сингулярностью и кристаллическим расширением (Deleuze, 2001a). Однако Делез придерживается только некоей приближенной модели парадигмы симондонианской концепции сингулярности, а также обсуждает другие примеры сингулярностей, которые не являются простыми точками, такими как слепок в процессе технической индивидуации.

Итак, как было уже сказано, Делез ясно дает понять, что он в долгу перед Симондоном за концепт «сингулярности», однако, не комментируя этого, он вносит в него серьезные изменения. Если Симондон считал сингулярность катализатором, приводящим в движение информационный процесс в поле, структурированном вокруг определенных возможностей, то Делез рассматривает потенциальное поле, уже заполненное набором сингулярностей, где такие события могут актуализироваться и дифференцироваться. Следовательно, сингулярность Симондона и сингулярность Делеза не только существенно отличаются между собой, но и не пересекаются.

Как же возникло такое разное понимание концепта «сингулярности»? Ответ на это и дает делезовский обзор первой части диссертации Симондона, опубликованной в 1964 году. Делез пишет, что важность тезиса Симондона теперь очевидна. Открывая предварительное условие индивидуации, он строго различает сингулярность и индивидуальность. Действительно, метастабильное, определяемое как доиндивидуальное бытие, прекрасно наделено сингулярностями, где эти события или явления соответствуют существованию и распределению потенциалов. (Разве это не то же самое, что в теории дифференциальных уравнений, где существование и распределение потенциалов уравнений, где существование и распределение сингулярностей имеет иную природу, чем индивидуальные формы интегральных кривых в их окрестности? (Deleuze, 2004, p. 87)). Отсюда следует, что в этом обзоре Делеза метастабильное поле у Симондона уже полно сингулярностей, которые не проявляются как каталитические, асимметричные и поляризующие элементы. Этот концепт «сингулярности» не только складывается в концепцию распределения потенциалов, но такое распределение рассматривается уже не в термодинамических терминах, а в математических.

Этот концептуальный сдвиг, отличающийся от понимания концепта «сингулярности» Симондоном, станет ключевым у Делеза в работе «Различие и повторение» (1968). В этом случае делезовская идея распределения сингулярностей опирается на работу математика и философа Альбера Лотмана (1908-1944). Делез почти полностью перенимает лотмановскую теорию проблем-идей и приспособливает ее для того, чтобы до конца оформить общую структуру своей онтологии. Например, в работах Делеза присутствуют два слоя математических реальностей – распределенные сингулярности и соответствующие им интегральные кривые, которые относятся к «трансцендентальному» и «эмпирическому». Однако и Лотман также различал эти два слоя,

и по этому поводу он постулировал, что: «...вовлечение абстрактного в генезис конкретного – это “трансцендентальная” интерпретация управляющего отношения, которая может быть лучше объяснена» (Lautman, 2011, p. 200). В конечном счете Делез помещает сингулярности в пространство, предшествующее индивидулирующему полю, или, по-другому, в пространство дифференциального поля. Но это дифференцированное пространство не растянуто, и оно в принципе не является полем как таковым.

Стало быть, в работе «Различие и повторение» Делез относительно этого дифференциального поля создает концепцию сингулярности, в которой он использует понятие «идеи». С одной стороны, существует чисто виртуальная структура (виртуальный уровень дифференцированных детерминаций элементов), которая состоит из двух составляющих: взаимной и полной детерминаций. С другой стороны, имеется интенсивный или индивидулирующий уровень активной связи между элементами, который представляет собой первый шаг актуализации в виртуальной структуре. Делезовская виртуальность является не условием возможности какого-либо рационального опыта, а условием генезиса реального опыта. И поэтому еще раньше понятие «виртуальное» Симондон предлагал поменять на понятие «метастабильное» (Симондон, 2023, с. 233). Поэтому, как считает Делез, доиндивидуальные особенности распределяются виртуально, до того как они интенсифицируются (стадия индивидуализации) и впоследствии развиваются, то есть расширяются вдоль линий обычных точек (стадия дифференциации). В этой связи «дополнительность двух аспектов не снимает их сущностного различия, напротив. И если спецификация точек уже показывает необходимую имманентность решаемой задачи, вовлеченность в перекрывающее ее решение, то существование и размещение точек свидетельствуют о трансцендентности задачи и ее ведущей роли в организации самих решений. Короче, полное определение задачи совпадает с существованием, числом, распределением определяющих точек, которые как раз и создают для нее условия (особая точка способствует двум условным уравнениям)» (Делез, 1998, с. 220).

Как считает Делез, А. Лотман хорошо показал обзор идеальных связей между диалектическими понятиями, относящимися к конечным ситуациям индивидуации (Делез, 1998, с. 220). Другими словами, доиндивидуальные сингулярности, предшествующие любой усиливающейся индивидуации, составляют компоненты этих идеальных связей в ядре виртуальной структуры. И более того, «они распределяются в “потенциальном”, которое не имеет вида ни Самости, ни Я, но которое производит их, самоактуализируясь и самоосуществляясь, хотя фигуры этой самоактуализации совсем не похожи на осуществляемый потенциал» (Делез, 2011, с. 139). Только теория сингулярных точек позволяет выйти за пределы синтеза индивидов, как они существуют (или создаются) в сознании. Мы не можем принять альтернативу, которая ставит под угрозу целиком всю психологию, космологию и теологию: либо сингулярности уже содержатся в индивидах, либо – это недифференцированная бездна. Только тогда, когда перед нами открывается мир, кишачий анонимными, номадическими, безличными и доиндивидуальными сингулярностями, мы, наконец, вступаем на поле «трансцендентального». Кроме того, как полагает Делез, больше, чем в философии Симондона, концепция сингулярности вдохновила бы математические системы, где она обозначает точку на объекте, которая не определяется функцией этого объекта.

Необходимо отметить, что в своем «Элементарном трактате по аналитической геометрии» (1843) Огюст Конт (1798-1857), которого цитирует Делез, различает следующие особые сингулярные точки кривой. Во-первых, точки сечения, в которых кривая переходит из выпуклой в вогнутую кривую; во-вторых, точки перегиба, в которых сходятся две ветви; и, в-третьих, критические точки, где касательная горизонтальна, а производная равна нулю. Поскольку эти точки указывают на изменения, Конт называет их «определяющими точками» (Comte, 1843, p. 114). Делез, в свою очередь, использует эти определяющие точки для обозначения трансцендентальной констелляции, которая определяет все эмпирические формы, не уподобляясь им. Единственная точка, которая является лишь конгруэнцией обычных, не определяющих точек, становится у Делеза трансцендентальной точкой. То есть особой точкой, пригодной для определения эмпирического пространственного развития. Более того, в математической теории сингулярности дифференциальные отношения вычисляются в процессе взаимного определения. Но Делез добавляет, что взаимная детерминация выражает лишь первый аспект подлинного принципа разума; второй аспект – это полная детерминация (Deleuze, 2001b, p. 57). Фактически каждое дифференциальное отношение определяет существование и распределение сингулярных точек, а распределение этих определяющих точек подразумевает дифференциальные отношения.

Интересно, что далее Делез, похоже, переходит к своеобразному смешению идей Симондона со структуралистскими идеями: чем бы это ни было или что бы это ни означало, это не может быть определено через какие-либо его внутренние характеристики, а только через его положение в данной области. «Как и в случае с химическими элементами, по отношению к которым мы знаем, где они находятся, прежде чем узнаем, что они собой представляют, точно так же и здесь, мы знаем о существовании и распределении сингулярных точек прежде, чем узнаем их характер (узкие места, узлы, фойе, центры...)» (Deleuze, 1990, p. 103).

Напротив, то, что у Ф. Соссюра (1857-1913) было всего лишь теорией возникновения знаковости, у Делеза превратилось в «трансцендентальное». По мнению Делеза, структурализм не может быть изолирован от новой трансцендентальной философии, в которой места преобладают над тем, что их занимает. И далее он добавляет, что эти позиции находят себя лишь в правильно структурированном пространстве, то есть в топологическом пространстве (Deleuze, 2004, p. 174). Безусловно, Симондон и Делез осуществляют попытку теоретизировать понятие «становления», и в этом их функции совпадают. Вместе с тем значимость и специфическая роль подобной идеи сингулярности (индивидуации) для становления оказываются совершенно разными у этих двух авторов. Симондон провозглашает, что сингулярность инициирует обретение формы (процесс «информирования») в потенциальном поле, в то время как Делез видит в ней то, что структурирует потенциальное поле (и, значит,

это процесс дифференциации). Более того, в наших дальнейших рассуждениях нам необходимо дать ответы на следующие вопросы. Во-первых, как происходит переход от физической фазы индивидуации к биологической фазе индивидуации? Во-вторых, а можно ли обобщить модель затравочного кристаллического зародыша на развитие органической жизни? Ряд ученых полагают, что да.

В своей знаменитой книге «Что такое жизнь? Физический аспект живой клетки» (1944) физик Э. Шредингер (1887-1961) выдвинул гипотезу о том, что «хромосомное волокно» функционирует подобно некому малозаметному коду. И более того, этот код способен не только программировать всю схему будущего развития индивида, но и определять его функционирование в зрелом возрасте (Schrödinger, 1944, p. 18). В этой связи французский микробиолог и генетик Ф. Жакоб (1920-2013) в своей работе «Логика жизни: история наследственности» (1970) объяснил тезис Шредингера и сравнил хромосому с кристаллом. Как считает Жакоб, по соображениям стабильности и организации жизни хромосома становится сравнимой с кристаллом. Это не просто скучная и монотонная кристаллическая структура, где единственная химическая конфигурация повторяется снова и снова, с одинаковыми периодическими интервалами в трех измерениях. Это еще то, что физики называют «аперриодическим кристаллом», в котором расположение неповторяющихся конфигураций создает разнообразие, необходимое для поддержания разнообразия витальных индивидов. Так, например, комбинация двух знаков в азбуке Морзе позволяет закодировать любой текст вообще. Отсюда план организма витального индивида можно нарисовать на бумаге с помощью комбинационной системы химических символов (Jacob, 1993, p. 292).

Можно отметить, что в данном случае Жакоб фокусируется не на процессе генезиса кристалла, а на простоте структуры кристалла – ясности его формы. Во многом подобно закодированному сообщению, затравочный кристаллический зародыш содержит всю программу, точно так же, как хромосома содержит генетическую программу, которая должна быть актуализирована. И именно эту перспективу пыталась преодолеть теория индивидуации Симондона: живой организм не сводится к механической реализации схемы, содержащейся в генетическом материале. Точно так же, как актуализация у Делеза не исчерпывает всех возможностей, так и жизнь представляет собой непрерывное изобретение того, что еще не содержалось в ее определяющих факторах. Поэтому витальные индивиды осуществляют трансдукции не путем распространения в однородной среде, а путем разрешения начального состояния дефазирования или диспарации (от латинского *disparatio*, быть несопоставимым) между двумя системами в пользу нового спаривания или сцепления. Другими словами, в витальном индивиде трансдукция не прямая, а косвенная (Simondon, 2005, p. 160).

Понятие «трансдукции» Симондон также называет «аллагматикой», поскольку она осуществляет изменения или превратности и полностью выражена в его примере хорошо развитого бинокулярного зрения, которое можно найти у многих млекопитающих. Этот греческий термин аллагма (*ἀλλαγμα*) может означать изменения или превратности, но он также может означать то, что может быть дано и взято в изменении, что более подлинно схватывает здесь идею обмена энергии. Другими словами, у большинства млекопитающих хорошо развито бинокулярное зрение, основанное на формировании двух изображений, полученных каждым глазом, и их последующем сопоставлением между собой. В ходе обмена информацией между обоими зрительными центрами два полученных изображения сливаются в одну трехмерную картину (Reese, 2011). В этой связи супервентность в истории эволюции двойной сетчатки и бинокулярного зрения у млекопитающих потенциально позволяет гораздо точнее оценивать пространственную глубину, при условии, что найдено решение проблемы. Задача в этом случае стоит в том, чтобы сделать так, чтобы два противоречивых потока визуальной информации совпали. Из чего явствует, что появление чего-то вроде стереоскопического зрения прекрасно иллюстрирует то, что Симондон называет аллагматикой или теорией операций. Поэтому, соединяя разрозненные визуальные сигналы, поступающие от оптических нервов, зрительный центр млекопитающих (но здесь можно также упомянуть птиц) синтезирует их в «третий образ», который не может быть выведен ни из одного монокулярного потока (Simondon, 2005, p. 207-208).

Очевидно, что в этом смысле вся история эволюции – это история появления новых форм жизни, способных решать предыдущие проблемы. Поэтому можно предположить, что индивид представляет собой систему для разрешения несопоставимых пар. В отличие от прямого вида трансдукции, который можно найти в инертной, физической сфере, этот косвенный, аллагматический вид трансдукции по своей сути изобретателен, поскольку он приводит к некому «квантовому скачку», к состоянию, которое не может быть получено из предыдущего. Отсюда следует, что, вместо того чтобы предполагать какое-то существенное различие между «органическим» и «неорганическим», Симондон фокусируется на их различных способах индивидуации. Он обосновывает необходимость различать два вида трансдукции в отношении их специфических типов пространств. Для витальных индивидов трансдуктивные операции больше не могут применяться для распространения части информации через однородное евклидово пространство, а все это больше напоминает операции в топологическом пространстве. Другими словами, природа топологического пространства заключается в том, чтобы быть пространством отношений из конца в конец: не экстенсивным, а интенсивным, как сказал бы Делез. В этом смысле топологическое пространство отличается от евклидова пространства тем, что в нем нет пустых областей. Подобно кристаллу, возникающему из зародыша, индивидуация действует только на его внешних границах, в кристаллической среде, которую можно опустошить от значительной части ее материала без какой-либо остановки в росте. Но такое положение дел для витального индивида действует по-другому. В этом случае все содержимое внутреннего пространства витального индивида топологически, сразу (не имея границ), соприкасается с содержанием окружающего его внешнего пространства.

Можно сказать, что, конституируя интериорность как топологическую, относительную и дифференциальную, Симондон позволяет учитывать и временную дифференциацию, лежащую в основе становления. В этом случае подобная дифференциация имеет не только значение для производства внутреннего и внешнего,

но и имеет значение для определения множественности времени, которое разделено между актуальностью настоящего, его относительным прошлым и его устремленностью в будущее. Если в рамках кристаллизации временность отсутствует как будущее (процесс бесконечной кристаллизации), то в биологической фазе индивидуации временность существует не только как горизонт будущего, но и как прошлое. Все фазовые режимы, предшествующие биологической индивидуации, присутствуют в этой продолжающейся фазе индивидуации и влияют на нее. Витальный индивид не просто развивается посредством ассимиляции, он конденсирует и представляет все, что было разработано в начале – в доиндивидуальном бытии. Поэтому Симондон полагает, что для топологии витального индивида теперь необходима связанная с ним хронология этого живого существа. Подобно тому, как топология оставляет позади однородность евклидова поля, так и новая хронология должна учитывать не только хронологический аспект, но и сообщения о прерывности, диссоциации, смежности и охвате.

Таким образом, для определения жизни, по мнению Симондона, всегда требуются два пространственно-временных условия: пространственная или топологическая детерминация (складчатость) и ее хроногенетическое следствие (воплощение темпоральности), которое очерчивает на своем пути окраины жизни и раздваивается за счет дифференциации жизни относительно внутреннего и внешнего. Поэтому, настаивая на специфичности витальной (биологической) и психической фаз индивидуации, Симондону все же удается провести их четкое различие от физической фазы индивидуации, которая неизбежна при их создании. Например, подобную дифференциацию можно увидеть, если рассматривать становление витальных индивидов в терминах сложных организмов, будь то как у биолога К. Гольдштейна (1878-1965) (Goldstein, 1963), или как в годологии психолога К. Левина (1890-1947) (Lewin, 1936), который анализирует «жизненное пространство» как результат последовательных перемещений высокоорганизованного индивида. Действие не просто прокладывает жизненный путь в пространстве между любыми объектами, которые создают препятствия, а скорее оно изменяет саму структуру субъекта и объекта гораздо более тонким и деликатным образом. Это уже не устоявшийся витальный индивид, который, столкнувшись с препятствиями, корректирует свое поведение; само взаимодействие приводит к постоянным разъединениям и повторным подключениям в подобном живом существе.

Витальный индивид решает проблемы не только путем адаптации, то есть путем изменения своего отношения к окружающей среде (как могла бы машина), но и также путем модификации самого себя, а именно путем изобретения новых внутренних структур. По мнению Симондона, витальный индивид является одновременно индивидуализирующей системой и системой, индивидуализирующей саму себя. И именно поэтому становление витального индивида все больше направлено на изобретательство. Можно отметить, что подобная концепция изобретательства у Симондона возникла под влиянием теории органицизма французского философа Ж. Кангиляма (1904-1995). Согласно этой теории, витальный индивид, вместо того чтобы быть определенным через его отношения с окружающей неорганической средой, должен рассматриваться с точки зрения «живого окружения». Каждый витальный индивид, который отличается от статистической нормы (то есть воспроизводства того же самого), может рассматриваться как ненормальный или даже патологический. Однако без такого отклонения от нормы не состоялась бы эволюция. Любой отклоняющийся подобный индивид, который сохраняется, сначала терпит к пределам погрешности нормы, а затем становится угрозой для самой нормы. Поскольку новая форма сохраняется и модифицирует норму, жизнь характеризуется тем, что Кангилем называет процессом «нормативного изобретения» (Canguilhem, 1989). Однако недостаточно просто заявить, что витальный индивид является исключением, чтобы это стало правилом, даже если биологические изобретения кажутся исключением из текущей статистики. Вместе с тем, как утверждает Кангилем, отношения между витальным индивидом и средой устанавливаются как дискуссия, в которую это живое существо привносит свои собственные нормы оценки ситуаций, одновременно доминируя над средой и приспосабливаясь к ней (Georges, 2008, p. 113).

Одобрив по большей части описание Кангиляма об изобретении, Симондон идет еще дальше, поскольку не ограничивает эту динамику становления только органическими процессами. Согласно Симондону, изобретение новой нормативной формы (или формирующей нормы, в зависимости от того, какую точку зрения здесь принять) уже происходит на неорганическом уровне. Происхождение кристалла, рассматриваемое в терминах изобретения, снова обеспечивает основу для теории индивидуации Симондона, и это также окажет влияние на его описание органических процессов (не случайно он описывает живое существо как кристалл, находящийся в процессе рождения). Такая отправная точка, приводит к совершенно иному пониманию жизни Симондоном, чем та, которую, например, выдвинул Шредингер. Симондон утверждает, что процессуальность, которая характерна для кристаллизации, позволяет понять, что связывает многочисленные уровни индивидуации. Четкое разделение между органической и неорганической сферами пришлось пересмотреть с развитием молекулярной вирусологии растений. Были обнаружены, например, инфекции растений, такие как мозаичная вирусная болезнь, которая может в больших масштабах уничтожать табачные плантации. Изучение этой мозаичной болезни способствовало тому, что впервые в истории вирусологии был открыт кристаллизованный ботанический вирус, который обладает как характеристиками живого существа, так и инертного. В этом случае этот вирус размножается и уходит внутрь табачного листа, как любое живое существо, а ведет себя как неживое существо, то есть подобно процессу кристаллизации (Zaitlin, 1998, p. 105-110).

В работе «Тысяча плато: капитализм и шизофрения» (1980), Делез в соавторстве с Гваттари, снова возвращается к осмыслению концепта «кристалла» Симондона. По мнению Делеза, учитывая то, что кристаллы могут распространяться до своих внешних пределов довольно продолжительное время, наука о кристаллах является совершенным примером индукции (Делез, 2010). Однако с таким обобщением кристаллографии и индуктивно-го метода еще раньше не был согласен Симондон. Он не раз отмечал, что становление кристалла является

исключительно трансдуктивной операцией (Симондон, 2023). Но, несмотря на такое понимание Симондоном процесса индивидуации, Делез просто сделал очередное «творческое заимствование» у этого мыслителя и представил это в другом понимании на всеобщее философское обозрение в работе «Диалоги II» (1977) (Deleuze, 2007).

Как же можно было бы объяснить то, что является явно неверным прочтением, когда кристаллы Симондона интерпретируются в индуктивных терминах, при этом сводя эту индукцию в дальнейшем до трансдукции, которая была бы свойственна витальным индивидам? Прежде всего, существует постоянная путаница, вызванная смешиванием логической индукции с физической индукцией. Когда Симондон объясняет, что трансдукция не является ни индуктивной, ни дедуктивной, он делает это главным образом для того, чтобы прояснить, что это не простой логический процесс, а скорее онтологический. В то время как логическую индукцию (как переход от частного к всеобщему) можно противопоставить логической дедукции (переходу от общего к частному), физическая индукция не имеет обратного процесса. Однако именно физическую, а не логическую индукцию имеют в виду Делез и Гваттари, когда они характеризуют кристаллографию. Физическая индукция (то есть распространение структуры от индуктивного элемента к индуктивной среде) предполагает относительную однородность поля, что делает его в глазах Делеза и Гваттари евклидовым. Трансдукция, напротив, по своей сути топологична, поскольку она действует в гетерогенной области.

Вместе с тем, если индукция состоит из безупречного воспроизведения геометрии кристаллического зародыша в индуцируемой среде, то трансдукция – это скорее не экстенсивное, а интенсивное перемещение. По этой причине, как считает Делез, трансдукция больше не эксплицирует совокупность процессов индивидуации, она теперь будет относиться строго к витальным индивидам. Отсюда следует, что структурная репликация роста кристалла происходит на его границах, а развитие витального индивида происходит уже внутри его мембраны – специфической ткани, наделенной избирательной проницаемостью и обладающей химическим свойством функционировать как предел. Понятие мембраны возникает у Симондона при попытке помыслить отношения неорганической и органической материи (Simondon, 2005). В этом случае метафора «мембраны» не только раскрывает специфику витального индивида, но и является местом интенсивных резонансов, а также обозначает порог между его внутренней и внешней средой. Если физическая индукция может продолжаться бесконечно, пока некое внешнее препятствие не ограничит или не уменьшит ее, то витальный индивид ограничивает себя и индивидуализирует только сам себя, заставляя свою внутреннюю среду максимально вибрировать, подобно динамической топологии, которая сама поддерживает свою метастабильность, с какой она существует. Это объясняется тем, что метастабильность витального индивида достигается не за счет повторяющейся исходной информации, а за счет поляризованного существования на границе его предела, с которым данное живое существо интегрирует не одну единичную данность, а множество данных. В этой связи физическая фаза индивидуации у Симондона отлична от биологической фазы индивидуации. Отсюда следует, что физическая система у Симондона «способна получать информацию только один раз, а затем развивается и увеличивается самоиндивидуируясь, не ограничивая себя такой исходной сингулярностью. Если система способна последовательно получать несколько сингулярностей, вместо того чтобы повторяться за счет кумулятивного эффекта и трансдуктивного усиления уникальной и исходной сингулярности, то индивидуация относится к витальному, самоограниченному, организованному типу» (Симондон, 2022, с. 259-260).

Тем не менее, как отмечает Делез, если физическая система актуализируется (реализуется) вся и сразу, так как сингулярность затрагивает только ее границы, то биологическая система получает последовательные волны сингулярностей и вовлекает всю свою внутреннюю среду в операции, которые происходят на внешних границах. Поэтому в рамках процессов синтеза, подавления и переформулирования сингулярностей, живое существо, согласно Делезу, всегда трансдуктивно. Теперь мы яснее понимаем логику Делеза, стоящую за его решением ограничить понятие «трансдукции» простой биологической фазой индивидуации. Если трансдуктивное усиление действительно состоит в своей простейшей форме повторения начального импульса и не предполагает ни изоляции, ни ограничения, если нет внешнего предела (будь то препятствие, трение, замедление и т. д.), то почему не рассматривать это как простое явление индукции? Потому что сам Симондон повторяет, что фактическим пределом индукции является множественность в ее самой простой и непреодолимой форме – гетерогенности. В этом случае реальности, которые трансдукция заставляет пересекаться, не являются ни идентичными, ни гетерогенными, но непрерывными; трансдукция – это операция латерального сопряжения особенностей.

Очевидно, можно констатировать тот факт, что Симондон вряд ли изобрел новую концепцию «трансдукции». Скорее, он расширил понимание того, что некоторые психологи, занимающиеся вопросами развития, определили как особую логику детей, и в первую очередь У. Штерн (1871-1938) и его «Психология раннего детства» (1914) (Stern, 1914), на которую М. Мерло-Понти (1908-1961) (Merleau-Ponty, 2001) несколько раз ссылается в своих курсах по психологии детства. Кроме того, в работе психолога А. Бурлу (1888-1954) «Принципы единой психологии тенденций» (1938) дано определение трансдуктивной логики, используемой младенцами. «Трансдуктивный метод противоположен как дедуктивному, так и индуктивному: младенец не использует ни силлогистическую дедукцию, выводя универсальное предложение из конкретных предложений, ни усиливающую индукцию, переходя от частного к общему к универсальному или от единичного к общему». Когда ребенок спрашивают, почему солнце горячее, он отвечает, что это потому, что оно находится на огне. «Он всегда рассуждает, переходя от частного к частному» (Burloud, 1938, p. 341-342). Эта идея трансдукции, заимствованная у Штерна, также была развита психологом и философом Ж. Пиаже (1896-1980) в работе «Речь и мышление ребенка», где она изображается уже как нерегулируемый: «...вывод, переход от единичного к единичному без помощи общего закона» (Пиаже, 1994, с. 338).

По сути, трансдукция в мышлении Пиаже всегда остается дологической. Однако для Симондона трансдукция – это логика сама по себе, более того, это онтология, которая касается онтогенеза как такового. Это отличается от точки зрения Делеза, у которого трансдукция более конкретно описывает процесс индивидуации витального индивида. Таким образом, если Делез использует понятие «трансдукции» для органических доменов, то у Симондона это понятие функционирует для обозначения становления индивидуации во всех ее степенях, то есть это термин интенсивности.

Итак, вышеизложенный анализ теоретических философских изысканий Симондона и Делеза позволяет нам утверждать, что их философские знания не только эксплицируют разные направления и интересы, но и более того – иногда одно и то же понятие может обозначать разные вещи. Например, что касается трансдукции, то в трактовке Делеза, вместо плодотворного расширения, это понятие подвергается серьезному ограничению в объеме – факт, который еще недостаточно учтен. Аналогичным образом в отношении понятия сингулярности Делез и Симондон расходятся в том значении, которое они, соответственно, придают математическому расширению термина. Так уж получается, что иногда расхождения становятся очевидными именно в те моменты, когда обе философии, кажется, наиболее тесно соприкасаются. В делезовской работе «Различие и повторение», возможно, особенно важный момент (начало пятой главы) – знаменитый постулат различия как интенсивности определяется как в теории индивидуации у Симондона. Что бы ни происходило и что бы ни появлялось, определяется различием, которое является его достаточным основанием; это различие есть не что иное, как разница в интенсивности, разница в терминах уровня, температуры, градации, давления, напряжения и потенциала (Делез, 1998, с. 271).

Чрезвычайно важно отметить, что у Делеза все это влечет за собой то, что сначала должно существовать что-то вроде неустранимого неравенства, своего рода трансцендентальной несправедливости, которая приводит этот процесс в движение. Так, по мнению Делеза, причиной чувственного, условием того, что проявляется, являются не пространство и время, а «Неравное» само по себе, разделение такое, каким оно понимается и определяется в различии интенсивности, в интенсивности как различии (Делез, 1998, с. 272).

Стало быть, для определения своей собственной онтологии интенсивности Делез не только опирается на концепцию диспарации Симондона, он также определяет интенсивность в информационных терминах. В это изначально нестабильное поле, как он утверждает, вмешивается сигнально-знаковая система, в которой феномен определяется как знак, который «вспыхивает» между разрозненными рядами, порождая событие коммуникации. При этом эта коммуникативная модель синтезирует (одновременно скрывая) гетерогенность, из которой она и возникает. Примечательно, что Делез опирается на коммуникативную модель, которая в точности соответствует той, которую использовал Симондон, когда он приравнивает информацию к интенсивности (в противоположность форме или данным, качеству или количеству). Однако хотя, с одной стороны, Делез резко ограничивает понятие «трансдукции», с другой стороны, он бесконечно расширяет понятие «интенсивности» за пределы чисто коммуникативных рамок, которые оно имело у Симондона: вместо описания интенсивности как оператора значения, эта интенсивность становится оператором бытия в целом. Очевидно, что Делез рассматривает интенсивность как оперативное понятие, позволяющее выйти за пределы некоторых опасностей, которые он чувствует в подходе Симондона, а именно чрезмерного сосредоточения на индивидуации. Уже в своем обзоре 1966 года на симондонианскую книгу «Индивид и его физико-биологический генезис» Делез выражает свои некоторые опасения. Например, он опасается того, что при переходе к рассмотрению психической и коллективной индивидуации, а в дальнейшем и к вопросам этики человека, мы рискуем вновь ввести «форму Я», которую и пыталась предотвратить теория диспарации Симондона (Deleuze, 2004, p. 89).

Кроме того, в своих более поздних текстах, написанных совместно с Гваттари, Делез отважится пойти еще дальше, подчеркивая важность процессов деиндивидуализации, дезагрегации и дедифференциации. По отношению к теориям, которые все еще были бы слишком ориентированы на прогресс (Бергсон между строк своего обзора 1966 года подозревает Симондона именно в этом), Делез и Гваттари говорят о «творческой инволюции»: «Становление – это инволюция, инволюция созидательна. Регрессировать – значит двигаться в направлении чего-то менее дифференцированного. Но вовлекать – значит формировать блок, который проводит свою собственную линию «между» действующими терминами и нижележащими за назначаемыми отношениями» (Deleuze, Guattari, 1987, p. 238-239). Эта концепция «инволюции», которая была описана как «антиэкстенсивная (неопределенная) концепция множественного» (Badiou, 1994, p. 52), может быть прямо противопоставлена симондонианской концепции «амплификации». Симондон считал, что самый элементарный процесс амплификации информации – это трансдукция. Кроме того, при амплификации мы можем увеличивать значение некоторой информации, делая ее более значимой, чем она на самом деле является. Мы также можем увеличивать масштаб события или проблемы, исключительно концентрируясь на негативных аспектах и игнорируя положительные. Амплификация может возникать по разным причинам. Одним из основных факторов, влияющих на ее возникновение, является наша эмоциональная составляющая. Отсюда следует, что для Симондона качественные скачки происходят благодаря трансдуктивным усилениям. Определенное поле структурирует себя посредством латерального расширения и ретикуляции и, таким образом, оно сгущается до большей плотности, вплоть до ситуации перенасыщения, когда подходящий «пусковой фактор» может вызвать «вспышку». В то время как Симондон часто напоминает о процессах, которые через насыщение доводятся до предела, то есть до такого состояния, когда должна произойти трансдукция, Делеза, очевидно,

больше интересуют процессы упрощения или сдерживания. «Экспериментирование инволютивно, противоположно передозировке», – утверждает он в своей работе «Диалоги II» (Deleuze, Parnet, 2007, p. 29). То есть инволюция в данном случае – это преобразование, которое не только является обратным самому себе, но и это еще нетождественное отображение. Благодаря упрощению или сдержанности жизнь часто изобретает новые формы и функции, теряя, отбрасывая, сокращая, упрощая, даже если это означает создание новых элементов и новых отношений этого упрощения (Deleuze, Parnet, 2007, p. 29).

Таким образом, инволюция – это возвращение, но в том смысле, который придавал ей Ницше; это бытие, но только бытие становления. Инволюция абсолютно является обратным движением расширения. В процессе актуализации, когда различие объясняется, оно становится отрицанием (как оппозиция, отрицание предполагает евклидово пространство). Поскольку различие для Делеза – это не что иное, как интенсивность, то в пространстве, через которое оно было распределено, оно должно нейтрализовать само себя. В дальнейшем при установлении подобного положения дел в пространстве, различие может продолжать сохраняться, но только через ограничение или противодействие, иначе говоря, как отрицание. В свете подобной иллюзии «негативного», которое сглаживает, ослабляет и нейтрализует «различие», становится важным вернуться к моменту, когда конституирующие различия интенсивности все еще могут ощущаться.

Сущие различаются не по внешним признакам, а они различаются по их интенсивности. Поэтому Симондон, более внимательно относится к логике прогресса в науке, технологии и истории. Однако по мере появления в последние два десятилетия все большего количества неопубликованных работ Симондона становится ясно, что подозрения Делеза относительно его эволюционного финализма оказались ошибочными. Мышление Симондона – это в такой же степени мышление об эволюции, как и о радикальной трансформации. Так, появление симондонианских радикальных механизмов на молекулярном и органическом уровнях позволяют, по видимому, лучше понять технические или социально-политические трансформации. Там, где у Делеза «Неравное» является достаточной причиной разумного, Симондон говорит об изначальной метастабильности. Он полагает, что само обретение формы происходит через ее отпечаток, который эта форма накладывает на данное поле. В этом случае форма одновременно угрожает своему собственному существованию, поскольку неявно подготавливает перенасыщение этого самого поля. В этой связи метастабильность является не только обычным состоянием, но и состоянием, постоянно находящимся на пределе. Отсюда следует, что метастабильность, находящаяся в состоянии перенасыщения, позволяет произойти событию в любое время, то есть структура готова проявить себя мгновенно. Более того, в этом случае физические, витальные и психосоциальные индивиды не так уж сильно отличаются друг от друга. В доиндивидуальном бытии разрешение метастабильного равновесия может произойти либо из-за того, что идея выпадает из ниоткуда – и сразу же возникает структура, которая распространяется повсюду или может произойти какая-то случайная встреча.

Заключение

Таким образом, Симондон и Делез близки в своих философских изысканиях, например, в их определениях трансформации реальности в процессе ее метастабильного и технологического воспроизводства и становления, но методы, которыми они анализируют ее причины и условия, совершенно различны. Кроме того, что их объединяет, так это явное неприятие любого «мягкого плюрализма», то есть дружелюбной панорамы демократического сближения посредством интересов или переговоров. Обе эти философии – это философии напряженности, недовольные перспективой, которая заключалась бы в том, чтобы вводить в контакт разные способы сущих посредством тактических слияний или путем постулирования чего-то вроде недифференцированного «общего». Несомненно, творческие изыскания Симондона и Делеза пытаются выйти за рамки классической альтернативы между индивидуализмом и органицизмом, поскольку их горизонт – это горизонт постфундаментального, антитеологического становления. Но их философия в равной степени обеспечивает критику мифа об имманентной самоорганизации, поскольку этот миф все еще опирается на модель управления и регламентации, которую оба автора отвергают. В своих описаниях позднего капитализма они признают, что порядок вертикальной иерархии был эффективно заменен новым мифом о самоорганизации и саморегулировании, унаследованным от кибернетики. То, что они оба критикуют, – это обоснование того, что сегодня все больше направлено, с помощью механизмов нормативного управления, на снижение и даже на отмену напряженности.

Стало быть, сильные стороны Симондона и Делеза уже в том, что они представили глубоко оригинальные теории дифференциации, которые вовлекают в себя все философское разнообразие современного и напряженного бытия. Основной вывод настоящей статьи – размышления Симондона в современном техническом контексте, стремятся не только открыть новые перспективы на антропологические и социальные последствия текущих цифровых преобразований, но и переосмыслить снова и снова самое базовое предположение философии о том, что значит быть субъектом в социальном мире. Более того, в настоящее время можно признать, что философские изыскания Симондона являются богатым источником для разработки новых концепций, теорий и практик, позволяющих справиться с нашими современными условиями новой техносоциальной реальности. В этом заключаются перспективы дальнейших научных изысканий.

Источники | References

1. Делез Ж. Логика смысла. М.: Академический Проект, 2011.
2. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М.: Педагогика-Пресс, 1994.

3. Свирский Я. И. Индивидуация Ж. Симондона как проект принципиальной незавершенности индивида // Человек как открытая целостность. Новосибирск: Академиздат, 2022.
4. Badiou A. Gilles Deleuze, The Fold: Leibniz and the Baroque // Gilles Deleuze and the Theatre of Philosophy. N. Y. – L.: Routledge 1994.
5. Boever De A., Murray A., Roffe J. Gilbert Simondon: Being and Technology. Edinburgh University Press, 2012.
6. Burloud A. Principes d'une psychologie des tendances. P.: Editions Alcan, 1938.
7. Canguilhem G. The Normal and the Pathological. N. Y.: Zone Books, 1989.
8. Comte A. Traité élémentaire de géométrie analytique à deux et à trois dimensions. P.: Carilian-Goeury and V. Dalmont, 1843.
9. Deleuze G. Cinema 2: The Time Image. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2001a.
10. Deleuze G. Difference and Repetition. N. Y.: Continuum, 2001b.
11. Deleuze G. Logic of Sense. N. Y.: Columbia University Press, 1990.
12. Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1987.
13. Georges C. Knowledge of Life. N. Y.: Fordham University Press 2008.
14. Goldstein K. The Organism. Boston: Beacon Press, 1963.
15. Jacob F. The logic of life: A history of heredity. Princeton: Princeton University Press, 1993.
16. Lautman A. New Research on the Dialectical Structure of Mathematics // Mathematics, Ideas and the Physical Real. L.: Continuum, 2011.
17. Lewin K. Principles of Topological Psychology. N. Y. – L.: McGraw-Hill, 1936.
18. Merleau-Ponty M. Psychologie et pédagogie de l'enfant. Cours de Sorbonne 1949-1952. Verdier, 2001.
19. Reece J. B. Campbell biology. Benjamin Cummings, 2011.
20. Schrödinger E. What Is Life? The Physical Aspect of the Living Cell. Cambridge University Press, 1944.
21. Simondon G. L'individu et sa gènesé physico-biologique. Grenoble: J. Millon, 1995.
22. Simondon G. L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information. Grenoble: Millon, 2005.
23. Stern W. Psychologie der frühen Kindheit. Leipzig: Quelle & Meyer, 1914.
24. Zaitlin M. The Discovery of the Causal Agent of the Tobacco Mosaic Disease. Hong Kong: World Publishing Co., Ltd., 1998.

Информация об авторах | Author information

Саяпин Владислав Олегович¹, к. филос. н.

¹ Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина

Vladislav Olegovich Sayapin¹, PhD

¹ Derzhavin Tambov State University

¹ vlad2015@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 10.05.2024; опубликовано online (published online): 02.07.2024.

Ключевые слова (keywords): теория дифференциации; философия коммуникации; концепции индивидуации; философия различия; theory of differentiation; philosophy of communication; concepts of individuation; philosophy of difference.